

Ольга Викторовна ТРОФИМОВА –
профессор кафедры русского языка,
доктор филологических наук

Процесс формализации речевых жанров и становление жанров русского документа*

УДК 811.161.1/09

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется процесс становления жанров рукописного русского документа XVIII в., который рассматривается как текст, фиксирующий реализацию речевого жанра и организованный синтаксическими связями перформативно-го глагола.

The material of the report is bound up with the process of formation of the system of genres of Russian documents in 18th century. The author investigates different stages of the formation of this system, characterizes in detail criteria of classification of Russian documents of different genres, first of all performatives.

Вопрос о становлении жанров в пределах официально-делового стиля русского языка получает особую актуальность с введением в научный оборот новых материалов, содержащих сведения по истории национального языка, — памятников региональной деловой письменности, в результате чего значительно расширяется круг источников и появляется возможность широких сопоставительных синхронических и диахронических исследований. В настоящей статье мы рассматриваем поставленную проблему на материале рукописных документов второй половины XVIII в., созданных в Тюмени и ее ближайших окрестностях и хранящихся сегодня в фондах Государственного архива Тюменской области.

Жанр в пределах делового стиля может пониматься как текстовый способ реализации в документе определенного типа социокультурной деятельности, представленной как система коммуникативных явлений, зависящих от типовых сценариев и фреймов, «обслуживающих» конкретную ситуацию, а также от личностных характеристик субъектов деловой коммуникации. Иначе говоря, *жанр* документа есть исторически сложившийся «текстотип» (Т. В. Матвеева), наиболее эффективно реализующий связь слова и социально значимого действия. Поэтому в качестве «первоосновы» жанра документа можно рассматривать речевой акт, который понимается как «особая разновидность коммуникативного акта, когда вся инициатива говорящего ... направлена на достижение цели вне пределов речевого акта» [1: 3]. Проведенные нами на материале 1 752 тюменских рукописных документов 104 жанровых разновидностей (1762–1796 гг.) исследования показали, что в формально-синтаксическом (структурном, формулярном) и в модальном основании каждого «текстотипа» лежит перформатив**. Важно отметить, что один и тот же перформативный глагол может организовывать текстовые фрагменты документов разных жанров, например, уместный в разных просительных и докладных документах глагол *прошу*:

«... Того радй Тюменскую камендантскую канцелярию покорно **прошу** мнѣ йменованному повеленные в награждение денги осмнатцать рублевъ откуда надлежить в выдачу пройзвесть...» [доношение; ГАТО, ф. И-6, оп. 1, д. 329, л. 19–20];

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта УР. 10. 01. 055 «Тюменская деловая письменность: 1762–1796 гг.».

** *Перформатив* (от ср.-лат. *performato* — действую) — высказывание, эквивалентное действию, поступку. Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия (например, объявление войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т. д.). Произнести «Я клянусь» — значит связать себя клятвой. Сопутствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом [2: 372].

«Еще вас **прошу** от 17-ти подвод понесенных мною убытков известных городническому правлению: | отозвались вы до брата ежели наблюдаете честь доброва человека то сколько принадлежит **прошу** ко мне прислать...» [записка; ГАТО, ф. И-3, оп. 1, д. 647, л. 306, 308];

«Покорно **прошу** по посланному изъ Сибирской соляной канторы в Тюменскую воеводскую канцелярiю указу получить от оной канцелярiй изъ соляного збору медною монетою денегъ двести рублевъ и в книгѣ росписатца...» [верующее письмо; ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 2548, л. 69, 69 об.];

«Тюменскѹю градскую Думу покорнише **прошу** содержание сего народного училища перевести в домъ мой...» [просьба; ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 600, л. 5,5 об.];

«... и взыскания с них за прошлые годы за ямскую ж гонбу, подлежащего числа денегъ, **прошу** прислать в Тюменской ямь...» [рапорт; ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 386, л. 74].

Таким образом, сам по себе перформативный глагол не «предсказывает» жанр, он «работает» вместе с лексико-грамматической структурой текста, тем более что в случаях отсутствия перформативного глагола сама структура становится жанрообразующей (в первую очередь это относится к распорядительным документам) [3].

Перформативный глагол выступает модальным основанием жанра. Этот вывод относится к таким жанрам рукописного документа XVIII века, как *доношение, объявление, определение, предложение, приказ, промемория, просьба, прошение, рапорт, требование, челобитная*; при этом отглагольное существительное, функционирующее как название документа (и оформленное отдельным реквизитом), не всегда является производным от употребленного в тексте перформативного глагола (например, *челобитная* — *бью челом*, *предложение* — *предлагаю*, *объявление* — *объявляю*; в то же время: *определение* — *приказали*, *приказ* — *предписую*). Представляется, что случаи производности самоназваний документов от перформативных глаголов позволяют предположить следующую последовательность в становлении жанров русского документа: речевой акт как высказывание с перформативным глаголом → повторяющийся речевой акт как основа для синтаксически развернутого текста — реализации речевого жанра, имя которого мотивировано или перформативным глаголом, или глаголом, становящимся таковым в перформативном контексте, → повторяющаяся типичная и «успешная» формализация речевого жанра в формуляре документа → жанр документа.

Для многих рукописных документов перформативный глагол является лексическим средством представления речевого жанра, лежащего в модальном основании жанра документа. Данный элемент текстовой структуры документа «закрепляется» в тексте раньше, чем производные однокоренные существительные — названия жанра документа (которые могут изменяться в истории делопроизводства, как, например, *челобитные* → *доношения* → *прошения* → *объявления*). Примеры таких складывающихся в XVIII в. жанров документов, как *выбор, объявление, требование, объяснение, увольнение, свидетельство*, показывают, что на более ранних этапах омонимичные существительные фиксируются как названия социально значимых стандартных ситуаций (которые всегда сопровождаются речевыми действиями деятелей — исполнителей социальных ролей), т. е. эти существительные используются как имена перформативных контекстов, «окружающих» высказывание (речевой акт) с перформативным глаголом. Вероятно, подобные контексты и можно считать реализациями речевых жанров.

Таким образом, нам представляется, что постепенно в делопроизводстве «стихийно» складывается формуляр (текст), состоящий в том числе из стандартных клаузул, реализующих синтаксические связи перформативного предиката. Представление об этом идеальном образце формируется у каждого, кто профессиональ-

но причастен к составлению делового текста, и дает, например, канцелярскому служащему, записывающему устную просьбу адресанта, возможность трансформировать устный текст просителя (который, приходя в присутственное место, реализует в своей речи тот или иной речевой жанр) в документ соответствующего жанра.

Исследование процесса формирования жанров делового стиля оказывается тесно связанным с анализом экстралингвистической действительности, нарастающая типизация которой «закрепляется» в лингвистических составляющих конкретного жанра (ср.: в современном документоведении особенно актуальной становится «стратификация внутрителивых жанровых образований на собственно лингвистической основе» [4: 106]). Следовательно, каждая конкретная текстовая реализация жанрового «идеала» на любом этапе его становления (любой деловой текст) есть фиксация «живой» дискурсной природы делового текста в «застывшей» форме, в которой соединились сформировавшийся на момент составления документа устоявшийся дискурс документа (жанровый образец) и индивидуализированный дискурс человека — одного или нескольких, в зависимости от совпадения/несовпадения а) субъекта инцидентной/прецедентной ситуации (участника), б) субъекта устной деловой коммуникации на тему той же ситуации (информатора), в) субъекта письменной фиксации сложившегося обобщенного представления о той же ситуации (канцеляриста, писца, составителя документа).

«Полисубъектность» адресанта можно продемонстрировать хотя бы одной из множества записей допросов, проводившихся в присутственных местах Тюмени, например, по делу об отрешении от службы священника Знаменской церкви Лукина 12 августа 1790 г. Записывавший показания мещан Дмитрия Гилева и Ивана Гречушкина канцелярский служитель в начале допроса трансформировал речь ответчика в косвенную, от «третьего лица», но затем сбивался и переходил на «первое лицо»:

«Мещанинъ Дмитрей Гилевъ показаль от родѹ емѹ пятьдесятъ летъ домъ женѹ и дѣтей имѣть в четвертомъ квартале ѹ исповеди и святаго причастия повсягодно бываю в приходѣ Знаменія пресвятыя Богородицы ѹ священника Лѹкина <...> какъ онъ меня не прашиваль...»; «Противъ показания кѹпца Фалѣлѣева мещанинъ Јванъ Гречѹшкинъ допрашиванъ и показаль от родѹ емѹ петдесятъ летъ домъ женѹ и дѣтей имею <...> якобъ я <...> то онъ на меня Фалѣлѣевъ взводитъ напрасно...» [ГАТО, ф. И-3, оп. 1, д. 647, л. 759 об., 760].

Обращение к другим записям допросов показывает, что чаще писец, фиксируя речь допрашиваемого, записывал ее последовательно от «первого лица», например: «... Октября 23 числа живущая у прапорщика Лекирова во услѹжении женка Марья Петрова допрашивана и показала: жила я <...> выдала мне <...> выгоняли меня вонъ...» [там же, л. 386]. Однако насколько текст, записанный от лица говорящего (субъекта ситуации, участника и в данном случае одновременно информатора), реально является его «авторской» речью, сказать невозможно, ибо правка текста субъектом письменной фиксации (писцом) могла быть значительна, как это, например, демонстрирует фрагмент допроса жены сторожа уездного казначейства Палагеи Перединой (вычеркнутый рукой писца текст подчеркнем, вписанный над строкой передадим курсивом):

«... пришла тут сестра ее Тюлковой Авдотья Агафонова дочь сказывая выговаривая ей чтоб она шла домой шушуна де нетъ есть де потеря и по тому ее сказыванию с нею Авдотьей сумневаясь я не потерялос ли чевѹ j моево с нею Авдотьеи домой я пошла я домои и пришедши во оной сидит в ызбе мать ее <...> и она опять с темъ салдатомъ ушла обратно а куда не знаю <...> я же означенного ее пажиту не крадывала и никово украст оное не подводила в чемъ и утверждаюсь и хто украль не знаю в чемъ и утверждаюсь» [там же, л. 67].

Обратим внимание на то, что перед нами не черновой вариант, который будет переписан набело и только после этого подписан ответчицей, а единственная запись допроса, подписанная по просьбе неграмотной Палагеи Максимовой Перединой двоюродным сыном Михаилом Серебrenиковым. Из этого факта вытекает, видимо, следующее: писец активно вторгался не только в процесс редактирования, но и в процесс создания текста (обратим внимание на замену *обратно* → *а куда не знаю*). Значит, правленный вариант вышедшего «из-под его пера» текста допроса уже соответствовал некоему сформировавшемуся в представлении писца идеальному жанровому образцу. Но писец, вероятно, был малоопытен и не умел сразу набело оформлять собственные трансформации устной речи ответчика, или же у него не было на это времени. В следственном деле остался заверенный подписью адресанта правленный текст (что нарушало канцелярскую традицию подписывать только не имеющие исправлений чистовики), а в архивном — удача для современного исследователя! — свидетельство сложного рождения конкретного текста, поиска абстрактного жанрового идеала и тем самым маленького шага вперед, сделанного неизвестным нам писцом, в глобальном процессе становления одного из жанров русского документа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красина Е. А. Русские перформативы. М., 1999.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в. (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002; Трофимова О. В. Перформативный глагол как критерий жанровой квалификации русского документа XVIII в. // Русский язык: история и современность. Ч. II. Челябинск, 2002. С. 128–132.
4. Кушнерук С. П. Основания внутрителивой стратификации документных жанров // Актуальные вопросы русистики. Тюмень, 2003.

Василий Петрович ВАСИЛЬЕВ —
доцент кафедры исторического языкознания
и славянских языков
Кемеровского государственного университета,
кандидат филологических наук

Аксиологическая компонента концепта

УДК 81.'371

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются аксиологические характеристики концепта и определяется их роль в организации концептуального содержания слова. На основании выявленного набора оценок проясняется природа концепта, проецирующего на себя когнитивный и ценностный компоненты сознания в их единстве и взаимодействии.

The article deals with the concept evaluation characteristics, their importance in conceptual structure of word. The discovered set of evaluation characteristics made it possible to reveal the nature of concept which reflects both cognitive and evaluative components of consciousness in their unity and interaction.

Когнитивное направление лингвистики связано с изучением языковой проблематики в контексте исследования проблем сознания, которым в последнее время